

Борис Носик

Мечта называлась касба

*Часть сборника
Пионерская Лолита (сборник)*

Борис Носик

Мечта называлась касба

«Автор»

1996

Носик Б. М.

Мечта называлась касба / Б. М. Носик — «Автор», 1996

"...Мир непредвиденно изменился, и вот я нашел их, эти замки из красной глины, свою мечту. Они назывались касбы. Были еще и целые глиняные деревни – ксуры, в них тоже были касбы или почти касбы. Иные из высоких, просторных и загадочных глиняных домов в этих ксурах обветшали и были давно покинуты, но все так же стояли среди обитаемого жилья, только становились с возрастом все загадочней. Живое соседствовало с мертвым, из глины ты был создан всемогущим Аллахом, в глину ушел, и не надо делать из этого целой истории, но мы делаем – слабые люди, ведь мы так любим, так любим себя и ближних..."

© Носик Б. М., 1996

© Автор, 1996

Борис Носик

Мечта называлась касба

Рассказ

Я уже и не очень надеялся, что они вообще существуют и что я увижу их когда-нибудь. Конечно, какая-то надежда все же еще теплилась, иначе с чего бы я вдруг потащился снова в Марокко, на сей раз, впрочем, на юг страны, в город со странным названием Уарзагат.

«Они» – это замки из красной глины, высоченные, загадочные замки, с полдюжиной узких окошек где-то в вышине, а во всю ширь и высь – глухие красные стены, мало-помалу сужающиеся к крыше, кое-где украшенные каким-нибудь таинственным символом и канелюрами, будто это была детская, ручная лепнина... Ну да, словно дети всем миром лепили их, эти замки из песка и глины, на каком-нибудь красном пляже, у бирюзового моря. Но в том-то и дело, что моря там не было, а были горы, пустыни и пальмовые рощи, были горы из красной глины. Лепили же эти замки цвета красных гор взрослые люди, воины, защищавшие свои семьи, и жизнь, и достояние от нападений других людей, мечтавших умножить свое богатство или просто не находивших какого-либо достойного их занятия, кроме войны. Рекламный плакат с изображением такого замка и с надписью «Посетите Марокко!» долгие годы висел у меня в изголовье в Москве, в «восточной спальней», наименее захламленной комнате моей экзотически захламленной, бредящей Востоком квартиры. Плакат подарила мне милая французженка-гид, колесившая с группами по всему свету и не знавшая, что ей с ним делать, со светом. Она знала, конечно, что путешествовать модно, весь мир мечтает о путешествиях, но ей уже давно хотелось отдохнуть немножко и обзавестись наконец мужем, и домом, и детьми, и каким-нибудь другим обществом, кроме клиентов турагентства, по возможности – культурным. Она стремилась к культуре, как выдвигенка с российской окраины в годы великого переселения народов, в эпоху превращения этих отсталых особняков, усадеб и храмов России в передовые Дома культуры (читай бедного Бабеля с поэтическим Платоновым, на два голоса). Там, в этом своем собственном культурном доме, заставленном подделками с гватемальского туристического базара, она смогла бы сказать культурному гостю, томно потрепав по волосам баловня-первенца, уже играющего этюд Черни на фортепьянах:

– Американский империализм угнетает бедных мальтеков...

Или что-нибудь еще другое могла сказать, что откроет к тому времени для требований моды мировая мысль. Она была не так глупа и вполне могла допустить, что даже лозунги 1968 года когда-нибудь устареют, просто пока еще у нее не было новых. Она очень в этом смысле надеялась на русскую интеллигенцию, которая казалась ей недоступно культурной.

Однажды ей показалось, что как раз я и смог бы стать ей подходящим мужем, отчасти приближенным к культурному обществу, вдобавок живущим в некой непривычной заморской беспечности и непонятном почти что достатке в своей экзотической Москве. Ей было, конечно, трудно понять, что наш тогдашний московский достаток и объяснялся беспечностью, что он не конвертировался в их твердую валюту и даже не тянул на их месячную квартплату. Еще труднее ей было понять, что и культурное общество, и самая Москва мне были давно до фени, до фонаря. Что у меня не было не только брачных, но и вообще никаких серьезных намерений, ибо, как говорили какие-то враги народа, движение все, цель ничто, хотя жениться я, конечно, и мог бы еще разок-другой, так как был уже разведен. Но главное – я был тогда в постоянном и вполне бессмысленном движении. Еще повидаться она была тоже согласна, но в конце концов поняла, что движение мое перманентно, ибо когда мы вернулись с ней из фантастического совместного путешествия и ей захотелось надолго прильнуть к Москве, в которой каждый вечер где-нибудь пили чай или еще что-то, и притом непременно закусывали, и в которой что ни

встречный хмырь, то был кто-то такой, знаменитый, из таких, что во Франции с тобой (да и со мной тоже) на одном поле не сядут, – вот тут-то я вдруг вскочил в самолет и улетел в Среднюю Азию, а оттуда (без заезда) в Терскол и только по весне уже в Крым – такая была моя жизнь, пойдешь теперь поищи такую. А она, помаявшись в непостижимости загадочной русской души (я, конечно, был виноват, каюсь, еще раз виноват), вышла замуж в Москве за кого-то, кто долго ходил с ней по гостям. Ну а мне вот остались от нее на память плакат «Посетите Марокко!» и глиняный замок на нем. В общем, осталась мечта, и на том спасибо. По-ихнему – гран мерси.

С тех пор сколько-то лет прошло – пять? семь? – мир непредвиденно изменился, и вот я нашел их, эти замки из красной глины, свою мечту. Они назывались касбы. Были еще и целые глиняные деревни – ксуры, в них тоже были касбы или почти касбы. Иные из высоких, просторных и загадочных глиняных домов в этих ксурах обветшали и были давно покинуты, но все так же стояли среди обитаемого жилья, только становились с возрастом все загадочней. Живое соседствовало с мертвым, из глины ты был создан всемогущим Аллахом, в глину ушел, и не надо делать из этого целой истории, но мы делаем – слабые люди, ведь мы так любим, так любим себя и ближних... Иногда в каком-нибудь лабиринте ксура мне вдруг показывали самую узкую, грязную, ветхую улицу и говорили: «Мелла! Мелла!» Это значило, что тут жили экзотические марокканские еврей-сефарды, продававшие в нищих конурках-лавочках через крошечное пыльное окошко серебряные украшения или что-нибудь еще, что можно продать. Потом они все зачем-то уехали в Израиль и перестали там быть экзотическими, но торговля их, говорят, разрослась до размеров кнессета. Остались здесь от них разбитые глиняные мечети, из остова которых торчат нынче очень старые, обглоданные бревна и палки, – наверное, молитва была теплей в таких вот глиняных хибарах, чем в каменных и кирпичных, впрочем, откуда мне знать, что больше любит Бог Отец?

Истинным чудом были здесь и высоченные пальмы, их было много, целые рощи, они не были тут украшением, не красовались перед кем-то приезжим, как в Ялте или Версале, и словно бы даже не понимали, как они хороши. В городах и ксурах кучи мусора унижали их красоту, но вдали от селений они могли забыть о далеком наземном движении малорослых людишек и шелестеть и шептать что-то свое в вышине. Я ложился под ними на спину и подолгу смотрел в высоту, на трепет ветвей и думал о бесконечных творческих возможностях Творца (простите за тавтологию).

Однажды (кажется, близ Тинрира) я набрел на какой-то священный водоем с форелями. Стояла глухая тишина, кружево трепещущих деревьев, похожих на мимозу (может, это она и была), пропуская через себя воздух, делало его совершенно зеленым, и Господь был добр ко мне, и никто не спугнул тишину, и я пробыл там один много-много минут – я не считал их, но помню их все, одну за другой. Потом я вышел на дорогу и вдруг услышал голос женщины над головой. Я поднял взгляд и понял, что она говорит со мной. Она убеждала меня в чем-то, и я до сих пор надеюсь, что она не просто просила дирхам, а еще и утешала меня, говорила, что я еще не так стар и страшен, как кажется сто раз на дню, что не все еще потеряно и всегда может случиться какая-нибудь нечаянная радость, а не одни только долгожданные гадости, как кажется в тяжкую минуту, за которую потом самому стыдно. Стыдно оттого, что Господь послал мне столько радостей, что начать платить за них теперь давно пора, да и за все не успеешь уже расплатиться, пребудешь вечный должник...

Еще вдруг выпал в этом странствии фантастический день в долине реки, где пели сладостно птицы, у деревни Умснат, близ города Тафраут. Там были высоченные глиняные дома старинной берберской архитектуры, пришедшие из невообразимой толщи тысячелетий, а люди жили в них как ни в чем не бывало, то есть как тыщу лет назад, и девочка с огромным кувшином переходила через светлую речку по белым камням, а я затаился, замер, чтоб не спугнуть ни ее, ни птиц, – так все было прекрасно. Но она все же углядела меня как-то, обернулась и что-то сказала, сверкнув удивительной парой глаз над пестрой тряпицей, скрывавшей нижнюю

часть лица. Может, она поздоровалась со мной, а может, сказала «собака-гяур», все равно я благодарен ей был за внимание и благодарен сейчас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.